

место и роли человека в глобальных геополитических процессах. Человек не может и не желает оставаться слепым исполнителем геополитических законов. В пространстве глобальной геополитики человек – это и носитель локального цивилизационного генотипа, и выразитель социокультурной доминанты в хозяйственной деятельности, языке, образе мыслей, и исполнитель политической воли. В глобальной геополитике гуманизм оборачивается к вопрошающему мыслителю новой гранью – это уже не прометеевский гуманизм покорителя природы, а глобальный гуманизм устроителя единого дома на Земле.

Геополитика обрела свое действующее лицо – человека, принадлежащего к той или иной цивилизации, привязанного к определенной историко-культурной зоне, веками пестующей образ жизни и образ мысли. Современные локальные цивилизации – это геочивилизации, характеризуемые множеством параметров экономического, социокультурного, этноконфессионального порядка. И уже в силу этого философия геополитики имеет право на свое место в системе философского знания. Более того, такое заявление может быть аргументировано тем, что сама геополитика в последние два десятилетия вошла в новую фазу своего развития – фазу глобальной геополитики.

Глобальная геополитика понимается как современный этап развития геополитики, на котором актерами геополитической жизни выступают не только государства, но и транснациональные корпорации, международные и межправительственные организации, геочивилизации. В данном контексте по-новому прослеживаются философско-методологические и теоретические основания геополитики. В частности, речь идет о географическом детерминизме как методологической основе классической геополитики, а философия геополитики предстает как то направление политической философии, которое выявляет бытие политического в контексте социокультурной динамики. Особое внимание необходимо уделять сравнительному анализу современных геополитических школ и идей, которые, отталкиваясь от классических представлений, выражают новые социальные реалии, тенденции развития и цивилизационную память. Это касается, в частности, региональной и цивилизационной геополитики. Предметом тому могут служить исследования Азиатской России в геополитической и цивилизационной динамике на протяжении последних пяти веков.

В оправдание своего первоначального желания отмечу, что философия геополитики в своем русском варианте включает такие импульсы развития философии геополитики как естественнонаучная мысль К. И. Арсеньева, Л. И. Мечникова, В. И. Ламанского, В. П. Семенова–Тян–Шанского, Д. И. Менделеева и др., историко-софские построения Ф. И. Тютчева и Н. Я. Данилевского, историцизм С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, евразийская геополитика П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского и Л. Н. Гумилева. Глобальная геополитика и философия геополитики четко коррелируют друг с другом на современном этапе развития социогуманитарного знания.

Колесов М.С. ДЕМОКРАТИЯ И ТЕРРОР

«Демократия» и «террор» являются сегодня распространенными пиаровскими мифами, определяющими политическое общественное сознание в странах так называемого «цивилизованного мира». Между тем они созданы на основе *эвфемизмов*, т. е. терминов, не несущих в себе определенного содержания, но обладающих свойством очевидности.

Так, слово «демократия» сегодня ассоциируется с античным термином «демократия», хотя во времена Древней Греции и Древнего Рима под «демосом» понималось совсем не то, что сегодня подразумевается под словом «народ». В античном мире «демократия» была формой *аристократической республики*, основанной на избирательном праве «свободных граждан». Противоположностью этой формы была *тирания*, основанная на избирательном праве «плебса», т. е. *толты (охлократия)*. Поэтому совершенно неправомерно подменять смысл слов «тирания» и «диктатура». «Тиран» избирается по закону, «диктатор» совмещает военную и гражданскую власть (или захватывает власть насильно).

Идеал античной «демократии» был возрожден в философии Просвещения и нашел свое адекватное воплощение в Конституции США. Еще в Декларации независимости, принятой американским Конгрессом в Филадельфии 4 июля 1776 года, было записано: *«Мы считаем очевидным следующие истины: все люди сотворены равными и все они одарены Создателем некоторыми неотчужденными правами, к числу которых принадлежат: жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав учреждены среди людей правительства, заимствующие свою справедливую власть из согласия управляемых».*

Американская модель «демократии», воодушевив Великую Французскую революцию, привела к якобинскому террору, а затем к диктатуре Наполеона. В Латинской Америке, сразу же после освобождения от испанского колониализма, по этой модели во всех странах, в конце концов, были установлены диктаторские режимы. Таким образом, в результате европейских и американских революций («буржуазно-демократических») «демократия» стала формой правления *новых «свободных граждан»*, т. е. освободившейся от феодализма *буржуазии*, как следствие развития «гражданского общества».

Однако вне «гражданского общества» (то есть при его отсутствии) «демократия» становится политическим фарсом. Так, в XX веке в Европе совершенно демократическим путем пришли к власти Муссолини и Гитлер, которые не посягнули на панацею демократии: *всеобщее избирательное право*. Во второй половине XX века появился ненадолго такой политический эвфемизм, как «страны народной демократии» (к которым не относился, однако, Советский Союз!), который вскоре исчез по причине своей бессмысленности. «Народной демократии» быть не может по определению, так как никогда «демократия» не соотносилась с тем, что всегда понималось под словом «народ».

Во многих странах, в которых с «демократией» вроде бы все в порядке (конституция, республиканская форма правления, всеобщее избирательное право и прочее), но политический режим отнюдь не может быть назван демократическим. В этих странах *институциональная* демократия подменяет *функциональную* демократию. Здесь «демократия» сводится исключительно к *формальному* избирательному праву, но не реализует принцип «равенства граждан перед законом». В результате отдельный человек и большинство общества не обладают реальной возможностью воспользоваться своими задекларированными «демократическими» правами. Однако, это – не вопрос пресловутой «защиты прав человека» (еще один миф из «прошлого»), так же и не проблема новой терминологии («реальная демократия»), а вопрос *модернизации (постмодернизации)* самой модели демократии. Термин «демократия» сегодня все чаще трактуется не столько как *форма правления*, сколько как *режим власти*. Это – не одно и то же. Например, королевство (монархия) не может быть *демократической формой правления* по определению, но сегодня наиболее «демократическими» странами являются Англия, Дания, Испания, Нидерланды, Швеция. Но режим власти в современных США вряд ли следует считать *демократическим*. Современным антиподом «демократии» как политического режима все чаще называется «автократия» или «авторитаризм», что, по сути, является историческим синонимом «тирании».

Современная демократия – это политический режим буржуазного государства. Буржуазное государство должно, прежде всего, защищать интересы буржуазии, и демократические институты есть те средства, при помощи которых оно это осуществляет. Таким образом, *демократия – это привилегия богатых, причем – очень богатых*. Демократия – это гарантия их благополучия и безопасности. Как пишет современный политолог С. Кара-Мурза «демократическое государство – исчерпывающая формула для народа собственников, постоянно охваченного страхом перед экспроприацией. И демократия есть не что иное, как холодная гражданская война, ведущаяся государством», – следует добавить, – против своего народа.

Одним из методов этой «холодной» войны является «терроризм». Современная демократия рождена террором «буржуазно-демократических» революций и является его потенциальным источником, предопределяя его как свою альтернативу. Террор – это вызов демократии, на который она может ответить адекватно только переходом к тирании. В тех странах, где демократия как политический режим существует в отсутствие «гражданского общества», формируются *маргинальные* социальные слои, являющиеся питательной средой внутреннего терроризма. Не обладая реальным механизмом контроля над ними, правительства, используя «угрозу терроризма», добиваются своих *корпоративных* целей. Таким образом, «*терроризм*» – это *оборотная сторона демократии*.

До сих пор определение «террора» (*страх* – лат.) остается ненаучным, а политически конъюнктурным. «Террористами» обычно называют тех, кто угрожает *истэблшменту*, благополучию государства. Но если с этой точки зрения просмотреть всю, хотя бы европейскую, историю, то деятельность многих так называемых «исторических личностей» так или иначе была связана с террором. Достаточно вспомнить Иисуса Навина или Юлия Цезаря, Кальвина или Петра Великого, Вашингтона или Наполеона, масштабы террора которых затмевают количество жертв современных «террористов».

XX век вообще был перенасыщен «террористическим» потенциалом. Не только бесчисленные революции и гражданские войны проводились исключительно террористическими средствами, но и Вторая мировая война явилась террористическим апофеозом. Никогда до этого военная тактика не использовала террористические методы («партизанская» и «диверсионная» войны, массовые расстрелы и «устрашения» мирного населения и пр.) в глобальном масштабе. Сегодня террор как средство военно-политического насилия стал универсальным оружием (и аргументом) международной политики (например, палестино-израильские отношения или политика США в Югославии и Ираке). Однако очередной эвфемизм – «антитеррористическая кампания» – очевидно, лишен какого-либо конкретного смысла.

Вопрос: что такое «терроризм», – сегодня не столь однозначен, как хотелось бы некоторым политикам и политологам. В результате: известные террористы Шарон и Арафат признаны уважаемыми политиками, а Сальвадор Альенде и Эрнесто Че Гевара – террористами!

И, тем не менее, исходя из адекватной трактовки самого термина: *террор – устрашение*, можно установить три принципиальных момента в понимании феномена «терроризма».

Первый – *политический*: «террор» – это *оборотная сторона* деятельности государства и определенных политических личностей. *Насилие* является неотъемлемой сущностью всякого государства, и *террор* – одно из возможных (и необходимых) средств осуществления этого *насилия*. Государство (или политический лидер) может прибегать к террористическим средствам насилия с целью подавления сопротивления власти («оппозиции»). Тогда такое государство (или личный режим) называется *репрессивным*. Этот выбор определяется конкретными обстоятельствами и характером личности лидера.

Жан-Жак Руссо в свое время писал: «*Сильнейший никогда не бывает достаточно силен, чтобы быть постоянно господином, если только он не превращает свою силу в право, а повиновение в долг...*»

Второй – *военный*: «террор» – это неотъемлемый элемент военной тактики, в котором заключается цель подавления противника средствами *устрашения*. Главным объектом этого устрашения в современной войне, как правило, становится во все возрастающем масштабе мирное население. Обычно на военном языке эта тактика называется «карательными операциями». В этом смысле ни одна война сегодня не обходится без «террора» (а тем более так называемая «партизанская война»).

Третий – *психологический*: «террор» – это эффективный метод *запугивания*, то есть психологического давления на общественное мнение и настроение населения. Путем «массовых» диверсионных актов и «терактов» против личности «терроризм» стремится создать в обществе перманентную ситуацию нестабильности или угрозы существующему политическому строю. Государство как политическая власть не может нормально

функционировать, если оно не способно защитить себя и своих «подданных».

Так называемый «революционный террор» включает все три аспекта «терроризма». Вообще в определенном историческом смысле «революция» и «террор» – это синонимы.

Прежде всего, революция есть естественная политическая реакция на «террор» государства. Революции не возникают в благополучных с точки зрения «соблюдения прав человека и гражданина» государствах. Напротив, они провоцируются самой политической властью, которая переходит грань допустимой (терпимой) меры насилия.

Еще Мартин Лютер провозгласил, что, когда правительство вырождается, порождая тирана, нарушающего законы, его подданные освобождаются от обязанности повиноваться. Французская Декларация прав человека сформулировала следующий принцип: *«Когда правительство нарушает права народа, восстание является для народа самым священным его правом и самой важной его обязанностью».*

Именно поэтому всякая революция, если она действительно революция («бунт»), – а не государственный переворот как смена политической элиты («путч»), является *террористическим* процессом не только по своим методам, но и по целям. Имея своей главной целью *уничтожение* государства как определенной формы политической власти, всякая революция «переступает» не только *Закон*, но и *моральное Право*. С точки зрения социального *истеблишмента*, она не только *противозаконна*, но и *аморальна*. Поэтому «революционный террор» – вне Закона и вне Морали («контрреволюционный террор» – тоже).

Так, Робеспьер, который упразднил обычную законность как неспособную защитить революцию, заявил: *«Когда кризис вызван именно бессилием законов, можно ли определять с уголовным кодексом в руках, какие требуются меры для общественной безопасности?»* И далее: *«...Террор есть не что иное, как правосудие, быстрое, суровое, непреклонное; он, таким образом, есть порождение добродетели».*

Впрочем, с Робеспьером был в свое время согласен и К. Маркс, который считал, что «революционный терроризм» может сократить и упростить «агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества».

В отечественной общественно-философской литературе XIX и XX веков «революционный терроризм» имел достаточно апологетов, хотя весьма непоследовательных. Так, советские политологи, отрицая «терроризм» теоретически, признавали его «практически» как политическую (революционную) «целесообразность». Русские «народовольцы» и «эсеры» вошли в историю как «террористы», между тем «большевики» своим «красным террором» превзошли тех и других. Многие историки и сегодня считают само собой разумеющимся, что большевистская партия, насильственно, при поддержке террористических партий «эсеров» и анархистов, свергнувшая буржуазно-демократическое «Временное правительство» в октябре 1917 года под лозунгами демократии и свободы, сразу же провозгласила «диктатуру пролетариата», неизбежным следствием которого стал «красный террор». Целью «красного террора» было создание в стране страха перед властью, в атмосфере которого и возникла гражданская война, которая естественно перешла в репрессивную политику советского правительства в 20–30-е годы. Так «революционный террор» естественно перешел в «государственный террор». В 30-е годы то же самое повторилось в Испании, в которой взаимный террор воюющих сторон превратил гражданскую войну в бессмысленную бойню, продолжавшуюся при режиме Франко и после него. Между тем критерия политической «целесообразности» революционного (как и государственного) террора нет.

Но сегодня не следует отождествлять «революцию» и «террор». Если всякая революция – это, прежде всего, террор, то это отнюдь не значит, что террор – это всегда революция. Революция – это процесс, имеющий определенные политические цели, террор – это лишь одно из средств достижения этих целей. Так что революционер является «террористом», по определению, но не всякий террорист есть «революционер». В истории, в том числе и в современной, таких примеров более чем достаточно. Террор может прикрываться революционной демагогией (и камуфлироваться в революционные «одежды»), но при этом иметь вполне определенные меркантильные или корпоративные цели. Сегодня – это либо религиозно-националистический террор, либо просто «бандитский» террор. В том и другом случае – это война, объявленная государству.

И находятся апологеты антигосударственного террора. Так, например, А. А. Зиновьев в своем романе «Русская смута» утверждал, что терроризм – это бунт «внутренне свободных людей», «гениев» против подавляющего их мира «бездарностей» и «посредственностей». Для него террорист – «высший Судия», выполняющий «волю Истории».

Но есть моральная оценка «терроризма», которая исходит из определенных «неписаных» законов человеческой нравственности. Здесь действует, прежде всего, «здравый смысл» человека, точнее – его социальный «инстинкт самосохранения». Именно эта оценка определяет общественную психологию. Взрывы жилых домов, подрывы гражданского транспорта, расстрелы детей в школах и прочие формы террора, направленного против мирного населения, независимо от количества жертв, столь же безнравственны, как и авиационные бомбежки и артиллерийские обстрелы городов и «зачистки» деревень. Террор, направленный против личности, против народа – всегда аморален, какими бы политическими или иными целями он не оправдывался.

Но демократия не является панацеей от терроризма. Это опасное заблуждение, приводящее к серьезным политическим последствиям.